

Фу Цинфэн замер. Он словно посмаковал эти три слога на губах и наконец прекратил свои бесчинства. Подперев подбородок ладонью, он задумчиво протянул:

— А ведь красивое имя. Только сдается мне, я его уже где-то слышал.

Шитоу еще не успел утереть выступившие от смеха слезы; на его виске блестел влажный след. Голос его все еще дрожал:

— Обыкновенное имя, проще некуда. Любой ребенок его напишет. Немудрено, если в Поднебесной найдется добрая сотня его тезок.

— Хм, — хмыкнул Фу Цинфэн и после недолгого молчания кивнул: — Будем считать, это испытание ты выдержал.

Шитоу опешил:

— Погоди, как это? Неужто будет еще одно?

Фу Цинфэн с усмешкой покрутил в пальцах пиалу с вином:

— А ты как думал?

Шитоу передернуло от дурного предчувствия:

— Даже не думай! Только попробуй еще раз тронуть мои ноги — кричать стану так, что все сбегутся!

Фу Цинфэн шутливо ткнул двумя пальцами в ладонь и соорудил уморительно-злодейскую гримасу:

— В этих краях, даже если ты связки порвешь от крика...

— Янь Чичэн! Янь Чичэн! — во все горло завопил Шитоу. — Янь Чи...

Лицо Фу Цинфэна мгновенно вытянулось. Он рванулся вперед и намертво зажал ему рот ладонью.

— Ой, ублаготвори тебя небо, потише! Кого ты поминаешь, безумец?! — Фу Цинфэн судорожно припал к кувшину, проглотил изрядную порцию вина, чтобы унять дрожь, и прошептал: — Бессмертных владык всеу кликать грешно, жизнь себе укоротишь!

Шитоу так и прыснул со смеху:

— Глупости. Я его имя по сто раз на дню поминаю, и ничего.

Фу Цинфэн смерил его подозрительным взглядом, замялся, свел вместе кончики указательных пальцев и заговорщически прошептал:

— Скажи честно... вы с Бессмертным владыкой Янем и впрямь в... этих самых отношениях?

Шитоу скептически скривился:

— В каких еще «этих»?

Фу Цинфэн пооткрывал рот, но так и не решился произнести заветные слова вслух. Вместо этого он усердно затряс головой:

— Брось это дело, и думать забудь. Тебе до него не дотянуться.

— Вот как? — Это признание не на шутку раззадорило Шитоу. — И почему же? В ваших глазах он разве не образец благородства, чуткости и душевной щедрости? Разве не идеальный спутник жизни?

— Бессмертный, как бы близко ни принимал он к сердцу земные дела, все едино остается небожителем. Бессмертный владыка Улин может сколько угодно опекать пичуг, рыб и лесных зверей, но он никогда не разделит их участи, не познает их горестей и радостей. Стань ты его даосским спутником — он за всю жизнь, поди, ради тебя ни разу не улыбнется и слезинки не проронит. Какая же в этой любви услада? Одно мучение.

Фу Цинфэн говорил с таким пылом, будто вещал с кафедры. Шитоу слушал его с плохо скрываемой насмешкой:

— Гладко стелешь, Фу-гээр, да только все это чушь несусветная. Чушь и вздор.

У Фу Цинфэна от такой дерзости перехватило дыхание, а лицо его залила краска гнева.

— Янь Чичэн не такой, — Шитоу опустил голову и принялся задумчиво разглядывать свои пальцы. — Ты его совсем не знаешь, вот и мелешь языком.

Фу Цинфэн вгляделся в его припущенные ресницы и опешил:

— Ты что же... и вправду водишь знакомство с Бессмертным владыкой Янем?

— И да, и нет. — Шитоу с досадой прижался спиной к каменной стене, стараясь унять зуд. — Ох, у меня, кажись, в волосах кто-то ползает. Пособи-ка, вытащи заразу!

— Не виляй! — Фу Цинфэн наполнил две пиалы, но послушно потянулся к Шитоу. Запустив пальцы в его мягкие черные пряди, он нащупал у самого затылка и осторожно вытащил крошечную стрекозу-красотку. Ее тонкие крылышки переливались перламутром, а длинные цепкие лапки задели ключицу юноши, на миг показавшись изящным живым украшением. — Так что у вас за узы?

Шитоу проследил взглядом, как Фу Цинфэн пересадил стрекозу на свой широкий рукав и легонько дунул. Хрупкое насекомое, покачиваясь, поднялось в воздух. Сделав несколько слепых кругов, оно наконец устремилось к едва заметному просвету у входа в пещеру и растаяло в сумеречном мареве.

— Я видел однажды, как Янь Чичэн сек карпов в пруду, — вдруг невпопад заговорил Шитоу. — Он сидел у самой воды, а взгляд его был пуст — ни единой мысли, ни единого чувства. Он просто хлестал ивовым прутом воду, и от ударов летели во все стороны разноцветные рыбы чешуйки. На солнце это выглядело завораживающе красиво. А карпы... они сами косяками перли под его хлыст. Тем, кому не повезло, ломало хребты, и они всплывали кверху белыми брюшками. Счастливики же получали благословение и перерождались, чтобы одним махом одолеть Врата Дракона.

Фу Цинфэн онемел. Он так и застыл с пиалой у рта, касаясь губами глиняного ободка, но позабыв сделать глоток.

— Ну так как, Фу-гээр, — Шитоу заговорщически подмигнул и лукаво прищурился, — угадай: какой удар из тех, что предначертаны судьбой, достанется вашей школе Улин?

Глава пика Фу спешно ретировался, едва осушив чашу. Шитоу остался один. Откинув голову на холодный камень, он прикрыл глаза и предался воспоминаниям.

Фу Цинфэн из кожи вон лез, выведывая его прошлое. Но Шитоу понимал: рассказывать там особо нечего. Да, всю дорогу он без зазрения совести молот чушь, однако за его рассказами крылась и доля истины.

Имя Шитоу и впрямь было его настоящим. А вот Се Цюши — это имя ему подарил Янь Чичэн, когда мальчишке исполнилось четырнадцать.

Семнадцать лет назад он появился на свет в убогой рыбацкой деревушке неподалеку от переправы Персикового источника. Своих родителей он не знал. Те не удосужились даже завернуть младенца в тряпье — просто засунули ему в рот кусок обработанного нефрита и бросили подыхать на каменной тумбе у деревенской околицы.

Ему суждено было замерзнуть или околеть с голоду в первые же часы, но, на его счастье, мимо

проходила пожилая чета. Прельстившись блеском самоцвета, торчавшего изо рта подкидыша, старики утащили его к себе. Нефрит они безжалостно выковыряли и отнесли в ломбард, а за вырученное серебро посчитали справедливым делиться с сиротой жидкой рисовой похлебкой. В редкие минуты благодушия они ласково звали его Юй'эр, учили лопотать первые слова и отзываться на «батюшку» да «матушку». Так, грех пополам, они дотянули его до пятилетнего возраста.

Счастье их, впрочем, было недолгим. Едва мальчику исполнилось пять лет, в лачугу ворвались костоломы из ломбарда. Не слушая мольбы и крики, они принялись нещадно охаживать несчастных стариков бамбуковыми коромыслами. Приволокли хозяина заведения, и тот ткнул избитым под нос тот самый нефрит: некогда безупречный, чистейший камень без единого изъяна теперь таил внутри уродливое ядро — обычный булыжник величиной с палец.

Лавочник обвинил бедняков в подлоге и сдал их уездному судье. Старики были уже дряхлыми: в узилище вошли двое, а наружу выволокли лишь полуживые останки. Испускающая дух старуха перед смертью нашла в себе силы не винить в беде безгрешное дитя. Только ласковое прозвище Юй'эр с тех пор словно выжгло из ее памяти. До последнего вздоха она звала мальчишку исключительно Шитоу.

Сам он не обижался. Новое имя казалось ему куда более звонким и надежным.

Когда опекунша почилла, малец окончательно сорвался с цепи. Скитался по дворам, просил милостыню, воровал по мелочи — на крупный грабеж духу не хватало, а вот стянуть с лотка пирожок было милым делом. Где накормят, где палкой огреют. Никакого ремесла он осваивать не желал. Если кража срывалась и брюхо сводило от голода, он брел к старой плакучей иве, выкапывал неглубокую яму, закапывал себя по пояс и лежал пластом, уставившись в небо в ожидании скорой кончины.

Уж не ведомо, хранили ли его боги, но всякий раз находилась жалостливая душа, бросавшая ему черствый маньтоу. Трижды он ложился в ту могилу: дважды его сердобольно выкапывали прохожие, а на третий раз пришлось выбираться самому.

Случилось это в его четырнадцатую зиму. Ночью, когда от голода перед глазами поплыли цветные круги, он лежал в своей яме и, косясь на замерзшего бродягу неподалеку, прикидывал, сколько ему самому осталось топтать эту землю. И вдруг до его ноздрей долетел умопомрачительный аромат окуня в кисло-сладком соусе.

Запах был едва уловимым, он то пропадал, то приносился ленивыми порывами ветра, но действовал подобно тончайшему рыболовному крючку, намертво подцепившему его за нос.

«Если я умру, не отведав этого чуда, моя душа вовек не успокоится и станет злобным призраком».

Твердо решив напоследок набить утробу, он из последних сил выкарабкался из ямы и поплелся на запах, ведомый одной лишь жаждой сытной смерти.

След привел его к постоялому двору на окраине городка. Притаившись под окном, он заглянул в щель между ставнями и обнаружил двух заклинателей, которые втихаря чревоугодничали, устроив себе пиршество среди ночи.

— Этим святошам, что давно перешли на прану, дела нет до простых смертных! — сердито ворчал один из них, помоложе. — Стоило заикнуться о трактире, как они на меня так зыркнули, будто я не рыбы жареной захотел, а младенца живьем сожрать!

С этими словами он ткнул палочками в блюдо. На тарелке высился золотистый окунь, искусно надрезанный и обжаренный до хруста в виде беличьего хвоста. Тонкая хрустящая корочка лопнула под нажимом, обнажая нежное белое мясо, обильно сдобренное густой кисло-сладкой подливой. Блюдо так пыhalo жаром, что капли соуса шипели и пузырились, источая дурманящий аромат.

Шитоу едва слюной не захлебнулся. Голова судорожно соображала, как бы урвать хоть кусочек, но в этот момент второй, более зрелый заклинатель отломил сочный хвост и, шумно чавкая, пробасил:

— Да пусть задирают носы сколько влезет! В нашем деле все решает предопределение и благословение небес. Уж поверь, тот нефрит, что везем мы, затмит любые их подношения.

Ни для кого не было секретом, что Бессмертный владыка Улин питал слабость к нефриту. Последние пару лет все подвластные школе Улин кланы из кожи вон лезли, выискивая редчайшие самоцветы для подношений в храмах. Шептались, будто тот, чей дар удостоится высочайшего взгляда, сподобится увидеть лик самого владыки. Очевидно, эти двое бедолаг уповали именно на чудо: в их годы они все еще не познали прелестей инертности тела и чревоугодничали, а без высокой протекции путь к вершинам культивации им заказан.

«У меня ведь тоже есть нефрит, — лениво подумал Шитоу. — Да такой диковинный, какого свет не видывал. У нормальных камней корка невзрачная, а внутри чистый самоцвет, у меня же все шиворот-навыворот — внутри нефрита вырос булыжник. Интересно, сменяли бы они его на обедки окуня?»

Помечтать, конечно, не вредно. Пока он мерз на ледяном ветру, шмыгая носом под аккомпанемент урчащего живота, прожорливые заклинатели приговорили рыбу и принялись за кувшины с вином. Луна уже перевалила за зенит, а они все никак не унимались. Шитоу боролся со сном из последних сил. Лишь когда небо на востоке подернулось синевою, захмелевшие собутельники созрели для того, чтобы сообща наведаться в уборную.

Пригнувшись, Шитоу шмыгнул в полутемную комнату. От окуня, само собой, уцелел лишь голый обглоданный хребет, но на дне блюда застыло изрядное количество наваристого студня. Юноша осторожно подцепил мизинцем каплю застывшего соуса и отправил в рот. Вкус оказался настолько насыщенным и сладким, что он судорожно сглотнул, невольно заурчав подобно бродячему коту, готовому вылизать тарелку до блеска.

Не успел он взяться за дело всерьез, как в коридоре послышались тяжелые шаги. Шитоу так и подскочил. Бросать лакомство не хотелось, но своя шкура дороже: он юркнул под кровать и затаился.

— Лао Цзя, старый хрыч! — раздался ворчливый голос первого вошедшего. — Ты же выходил последним, почему дверь нараспашку оставил?

— Да приспичило невтерпеж, вот и позабыл... — оправдывался Лао Цзя.

Бросив взгляд на стол, где на слое застывшего жира остался отчетливый след от чужого пальца, он тут же усмехнулся:

— Ну точно, видать, бродячий кот шастает. Все припасы готов растащить.

Его напарник недоверчиво хмыкнул и зачем-то полез рукой под кровать. Шитоу сжался в комок, едва дыша. Грубые пальцы пронеслись в волоске от его носа и ухватили лежавший в пыли плотный холщовый мешок.

Лао Цзя развязал тесемки, заглянул внутрь и с облегчением выдохнул:

— Слава богам, наша нефритовая дева в целости.

Его спутник кивнул, и мешок отправился на прежнее место. Быстро убрав посуду, заклинатели заперли дверь на засов, затворили ставни и улеглись. Вскоре по комнате разнесся богатырский храп.

Шитоу тихонько выбрался из своего укрытия. На столе не осталось ни крошки — тарелки сияли чистотой, начисто лишив его надежды разжиться остатками пиршества. Вздохнув, он заприметил торчащий из-под кровати край мешка. Любопытство пересилило страх: юноша потянул холстину на себя, ослабил узел и заглянул внутрь. На него смотрело изваяние прекрасной девы с мечом в руках.

— Да и нефрит так себе, средненький, — тихо хмыкнул он, ощупывая гладкие грани.

Вдруг в его голове созрел безумный план. Обладая от природы гибким телом, он извернулся и протиснулся в зазор между сложенными руками изваяния и рукоятью вырезанного из камня меча.

Подросток он был худой да юркий, кости гибкие — он уселся точь-в-точь как влитой, обвив руками холодную спину изваяния. Кое-как натянув на себя мешок изнутри, он ухитрился затянуть завязки над головой, отрезая себя от внешнего мира.

Наутро Лао Цзя, взваливая ношу на плечо, натужно побряхтел:

— Что-то дева наша за ночь будто в весе прибавила.

— Меньше пить надо было, совсем ослаб, — безжалостно припечатал напарник. Он небрежно щелкнул пальцами, накладывая на мешок заклятие Облегчения Тела. — Давай шевелись. Сегодня решающий день, не приведи боги опоздать.

— Ишь какой умный выискался, сам бы и тащил, — тихо огрызнулся Лао Цзя.

Переругиваясь на ходу, покладистые приятели вскоре сменили гнев на милость. Шитоу, тихонько раскачиваясь в темноте, невольно вспомнил приютивших его стариков. На душе стало тепло и забавно. От нечего делать он принялся щекотать нефритовую шею и щеки каменной девы, тихо хихикая себе под нос.

Этот кусок куньлуньского нефрита отливал бледной прозеленью, лишь у висков переходя в теплый палевый оттенок. Резчик попался умелый: он искусно обыграл природные изъяны камня, превратив их в затейливую женскую прическу. Качество самого минерала оставляло желать лучшего, но тончайшая работа искупала все огрехи — даже на ощупь угадывались изящные изгибы шеи и тонкие черты лица благородной дамы.

— Эх, красавица моя, — шептал Шитоу, утыкаясь носом в холодный лоб статуи, — уповай на то, чтобы этот твой Бессмертный владыка Улин не оказался любителем мужской любви, а не то пропадет твоя неземная прелесть почем зря.

Дорога была долгой и ухабистой. Спустя сутки утомительной тряски путники наконец достигли ворот храма Бессмертного владыки Улин. К их великому изумлению, встречать их вышел вовсе не почтенный настоятель, а двое юных послушников, похожих друг на друга как две капли воды.

— Наш учитель предвидел ваш приход, — в один голос пропели отроки. — Звезды указали ему, что вы несете вещь, угодную его сердцу. Посему он велел нам ожидать вас на этом самом месте.

От такой милости заклинатели едва рассудка не лишились. Из их глаз так и хлынули слезы умиления. Позабыв обо всяком приличии, они рухнули на колени и принялись неистово бить челом перед мальчишками, которые по возрасту годились им в правнуки.

Лица послушников оставались бесстрастными.

— Лао Цзя, чего застыл?! — засуетился старший. — Скорее являй чудо!

— Не спешите, — прохладно остановил его один из отроков. — Подношение святыне требует

особого ритуала. Коли вы исполнили свой долг, соблаговолите подождать за порогом.

Возразить они не посмели и, пятясь задом, покорно покинули зал.

Едва за ними закрылась тяжелая дверь, Шитоу зашевелился в своем укрытии.

«Я ведь только ради рыбы увязался, — запоздало спохватился он. — И вовсе не желаю лишаться столь щедрых кормильцев!»

Он попытался нащупать узел, чтобы выбраться наружу, но проклятая веревка словно приросла к горловине мешка — как он ни бился, путы не поддавались.

Мальчишки безучастно созерцали, как мешок на полу бьется и ходит ходуном, подобно выброшенному на берег карпу. Не поведя и бровью, они чинно зажгли благовония у подножия алтаря.

Тонкая струйка едкого дыма проникла сквозь плетение ткани, и Шитоу закашлялся. В голову полезли жуткие мысли: «Вдруг эти малолетние праведники удумали зажарить меня живьем в кисло-сладком соусе?» Перепугавшись не на шутку, он завертелся юлой и истошно заорал:

— Эй! Ошибка вышла! Ошибка! Тут окромя каменной бабы еще и живой человек имеется! Выпустите меня! Выпустите!

Поняв, что криками делу не помочь, он принялся неистово брыкаться. Но стоило ему пнуть мешок изнутри во второй раз, как чья-то ледяная ладонь мертвой хваткой вцепилась ему в лодыжку.

— Призрак! Демоны загрызи! — взвизгнул он, пытаясь вырвать ногу.

Вдруг плотная холстина с тихим треском разошлась надвое, и яркий дневной свет ослепил его. Чьи-то сильные руки бесцеремонно выудили его из объятий каменной девы.

Шитоу сидел на полу, зажмурившись от яркого света. Когда же он наконец осмелился приоткрыть глаза, перед ним предстал статный мужчина в одеяниях цвета утреннего тумана и туши. В тот же миг вдоль его позвоночника пробежала ледяная дрожь.

— Ты... не смотри на меня так, — пролепетал он, пятясь назад и силясь уползти в тень. Тот самый дерзкий малец, что еще вчера плевать хотел на смерть и укладывался спать в могилу, теперь дрожал как осиновый лист перед матерым волком. — У тебя глаза... они жгут. Пожалуйста, не смотри.

Бессмертный владыка Улин возвышался над ним неподвижным изваянием. Черты его лица

казались безупречными и холодными, лишенными земных страстей. Лишь в глубине бездонных темных глаз клубился едва заметный призрачный малахитовый отсвет.

Спустя бесконечно долгую паузу он тихо спросил:

— Как твое имя?

— Не знаю... — Шитоу зажал уши ладонями и зажмурился. От этого голоса все его существо пронзила необъяснимая, мучительная боль.

— Чего ты так страшишься? — вновь донесся до него бесстрастный вопрос.

— Не знаю я! Отвяжись! Не спрашивай меня ни о чем, умоляю... — Юноша разрыдался, голос его сорвался на хриплый писк. Он и сам не понимал природы этого первобытного ужаса, но страх этот, казалось, вьелся в самую его кровь, заставляя душу сжиматься от каждого звука, слетавшего с губ незнакомца.

Однако Бессмертный владыка не отступил. Он склонился ниже, властно перехватил его тонкие запястья и бережно, но непреклонно расправил его сжавшееся тело, вынуждая встретиться взглядами.

— Как зовут тебя? — повторил он.

Шитоу затрясся мелкой дрожью. Противиться этой силе было выше его возможностей.

— Ши... Шитоу, — всхлипнул он.

Владыка на миг замер. Его ладонь скользнула вверх, и он коснулся тыльной стороной пальцев его мокрой от слез щеки.

— Мне несли драгоценный нефрит, — тихо проговорил он, и в уголках его губ промелькнула едва заметная тень улыбки. — Как же среди сокровищ затесался обыкновенный камень?

Шитоу не смел гадать, шутит ли грозный небожитель или затаил гнев. Утирая нос рукавом, он пролепетал:

— Я... я только рыбы хотел отведать. Той, сладкой...

Владыка лишь покачал головой:

— Ступай со мной. Рыбы у тебя отныне будет вдоволь.

— Не пойду! — Шитоу испуганно отпрянул. — Ты страшный!

— И чего же ты боишься? — Взор Бессмертного владыки сделался глубже. — Того, что я лишу тебя жизни?

Шитоу мотнул головой.

— Того, что стану бить?

Юноша вновь отрицательно покачал головой.

— Что буду жесток с тобой? Заморю голодом или заставлю делать то, что тебе не по душе?

Шитоу замотал головой еще неистовее. Он на миг задумался, сиюсь выразить словами то, что творилось в его душе, и наконец робко выдохнул:

— Я боюсь твоего взгляда. Не смотри на меня, прошу тебя.

Вместо ответа Бессмертный владыка мягко обхватил его лицо ладонями и заставил посмотреть прямо в свои бездонные очи.

— Раз тебе так страшно, значит, видеться нам надобно чаще. Привыкнешь — и страх уйдет.

— Да разве к такому привыкают... — пробормотал Шитоу. От этого взгляда его кожу пекло немилосердным жаром. Он не мог вырваться и лишь отчаянно косил глазами в сторону, сиюсь укрыться от этого всепоглощающего пламени. — Владыка... мы разве встречались прежде? Пожалуйста, ответись. У меня в груди все так и колотится, дух вон сейчас вылетит...

Мужчина наконец убрал ладони от его лица и медленно опустил руку на его худую грудь, прижав теплую ладонь прямо напротив бьющегося сердца. Он молча слушал его бешеный, неровный ритм.

— Ты и есть тот самый нефрит, что я искал все эти годы, — тихо произнес владыка. — Я заберу тебя в свою обитель и стану оберегать как величайшую святыню. И никогда больше не отпущу.

Шитоу зажмурился и слабо качнул головой.

Не слушая возражений, Бессмертный владыка мягко, но властно обхватил его за талию и поднял на ноги, удерживая подле себя.

— И... никак мне от тебя не сбежать? — едва слышно спросил Шитоу.

Владыка серьезно посмотрел на него:

— Можешь попытаться.

— А ежели поймашь... убьешь? — вновь любопытствовал юноша.

Владыка на мгновение задумался, а затем честно признался:

— Не знаю.

Шитоу оторопел. Но, как ни странно, от этих слов его сковывающий страх начал постепенно таять.

Прежде чем сделать первый шаг, Бессмертный владыка осторожно сжал его ладонь в своей. Шитоу не стал вырываться, лишь тихо спросил на дорогу:

— А умирать... это больно?

— Кому как, — на сей раз владыка ответил без тени сомнения, тепло глядя на него. — Но если тебе суждено будет погибнуть, я отыщу самый безболезненный способ... Чтобы ты больше ничего не боялся.

<http://bllate.org/book/18360/1798419>